

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная статья

УДК 821.161.1(09)
ББК 83.3 (2)6-022.26
А 23

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-15-21

Красота и повседневность в последнем романе В. Маканина (Рецензирована)

Владимир Вениаминович Агеносов

*Московский университет им. А. С. Грибоедова, Москва, Россия,
vlad-agenosov@yandex.ru*

Аннотация:

В статье предпринимается попытка рассмотреть последний роман В. Маканина в контексте характерного для этого писателя философского осмысления мира и, в частности, конца 90-х годов XX столетия «Две сестры и Кандинский», написанном в стилистике нового реализма, рассматривается философская проблема возможности сосуществования красоты и современного мира. Редуцируя сюжет чеховской пьесы и перенося его в 90-е годы XX столетия, автор показывает, что только любовь и красота являются подлинными ценностями бытия. Однако развитие событий в романе показывает, что маканинские Ольга и Инна, как и одноименные чеховские персонажи, сталкиваясь с «половинчатыми людьми перестройки» – политическим деятелем-карьеристом и эгоистом-музыкантом – испытывают разочарование и приходят к пониманию, что настоящее время еще не пришло и его приход не близок.

Ключевые слова: Маканин, Кандинский, 90-е годы, красота, любовь, карьеризм, эгоизм, стукачество, доносительство, прощение, будущее, краски, живопись

Для цитирования: Агеносов В.В. Красота и повседневность в последнем романе В. Маканина // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.15-21. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-15-21

Original Research Paper

Beauty and everyday life in the last novel by V. Makanin

Vladimir V. Agenosov

*A.S. Griboedov Moscow University, Moscow, Russia,
vlad-agenosov@yandex.ru*

Abstract:

In V. Makanin's last novel «Two Sisters and Kandinsky», written in the style of new realism, the author raises a philosophical problem of the possibility of coexistence of beauty and the modern world. Reducing the plot of Chekhov's play and transferring it to the 1990s, the author shows that only love and beauty are the true values of being. However, the development of events in the novel shows that Makanin's Olga and Inna, like the Chekhov characters of the same name, when faced with the "half-hearted people of perestroika", a careerist political figure and an egoist musician, experience disappointment and an understanding that the present time has not yet come and its arrival is not close.

Keywords: Makanin, Kandinsky, 1990s, beauty, love, careerism, selfishness, informing, denunciation, forgiveness, future, colors, painting

For citation: Agenosov V.V. Beauty and everyday life in the last novel by V. Makanin // Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art Criticism, 2022. No. 4 (307). P.15-21. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-15-21

Введение.

Последний роман В. Маканина «Две сестры и Кандинский» почти не сопровождался характерным для творчества писателя потоком рецензий и споров. В немногих статьях [1,2,3] в основном анализировались фигуры носителей черт 90-х годов и практически не говорилось о героинях романа сестрах Ольге и Инне Тульцевых [4].

Цель статьи. Показать философский смысл последнего романа писателя.

Материалы и методы. Анализируется роман В. Маканина, прослеживаются его связи с творчеством А.П.Чехова и эстетическим взглядом В.В.Кандинского.

Обсуждение.

Критики словно не замечали, что заголовков романа не только реминисцирует с чеховскими «Тремя сестрами», помещенными в наше время, но и делает именно их выразителями философских и этических исканий писателя. Правда, писатель удалил замужнюю Машу, оставив только Ольгу и Инну, которые по возрасту близки к героиням Чехова: Ольге - 28-29 лет, Ирине 23-24.

Если учесть, что действие романа Маканина приходится на начало 90-х годов, то юность героинь под воздействием их отца Тимофея Тульцева, «известнейшего» «знаменитого» диссидента, относится к 71–75-м годам. Отец «привил Ольге излишнее

презрение к слабостям людей. И гордыню с пеленок... Этаким либеральный снобизм». «Для меня «дочь Тульцева» – как натужная нагрузка при первом общении с мужчиной, - признается Ольга. - Как клеймо. Которое хочется скрыть. Что-то вроде клейма миледи... Клейма, от которого пахнет долгим женским одиночеством». Инна вспоминает, что была «тогда маленькая. И потому я проще и снисходительнее».

В жизни Ольги соседствует стремление обрести настоящую духовную любовь и физическую. А Кандинский - как идеал высшего Бытия. «Кандинский – это моя жизнь. Это мое всё. Кандинский! – вот где философия линии, вот где буйство красок, неистовство, интеллект... - говорит Ольга. - Я счастлива здесь. Я и Кандинский. Мы с ним – двое».

Дважды на протяжении романа замечается, что «ни безденежье, ни подползающий к Москве голод не заставят Ольгу менять репродукции на бронезилеты... Да и к сахару, что предлагают полумешками, она не заторопится».

Маканин подвергает глубокому психологическому анализу диалектику женского отношения к любви.

Дважды к тексту романа приводятся рассуждения Ольги о дихотомии женского сознания: «Одна женщина (это я! каждую минуту начеку, – недоверчивая и отчасти даже

озленная (предыдущими промахами по жизни). Настороженно следящая за каждым жестом и шагом мужчины... этого непредсказуемого существа».

«А вторая? Вторая женщина (это ведь тоже я!) старается срастись с мужчиной. И прежде всего – научиться болеть ему в отзвук! Женщина как вмонтированное болевое эхо. Вот и всё! ...Эта наша раздвоенность, эта двуликость, эта забавная разность женского двоечувствия обнаруживается у каждой из нас», - подытоживает свои размышления Ольга.

Стремление к идеальной любви делает Ольгу возлюбленной 40-летнего политического карьериста «известного общественного деятеля с яркой харизматической кличкой – Артем Константа, он же Сигаев Артем Константинович, выбранного недавно в Московскую думу». «Я счастлива здесь. Я и Кандинский. Мы с ним – двое. Но теперь, если полуподвал тебя не пугает, ты тоже с нами», - приглашает она Артема.

Однако надежда стать музой политика нового времени, соединить духовное с материальным рушится, когда выясняется, что любимый был стукачем. Ольга вычеркивает Артема из своей жизни, не провожает его в Воронеж, куда он уезжает после грандиозного скандала, более того, выясняется, что любимый находился на службе у нувориша. Вторичный приезд Константы не возвращает ей прежних чувств. Скорее равнодушные.

«Классическое обрушение уже вчерашнего чувства... Уже не поправить» постигло Ольгу и в отношениях с Максимом, молодым парнем «с забавной наглечей, с причудами под гения». «Я обманула сама себя. Я поторопилась. Я влюбилась...». Ольга прощала любимому всё... «Главное было не разменять любовь. Не разменять ее на ссоры». Она слишком поздно заметила, что «мужчины, которые на взлете, в этом своем нестабильном часе женщиной не дорожат».

Подлинное чувство Максима к Ольге и Кандинскому проявляется не только в циничной попытке музыканта продать копии картин Кандинского, но и в отрицании творчества художника, в оскорбляющем заявлении, что обезьяны могут создавать нечто подобное. Ольга не может простить музыканту ни Кандинского, ни невнимания к ней, ни «пьяных воплей, разборок твоих гениев». «Прости меня. Это точно... Теперь я не согласна. Поздно, Максим. Не хочу... Не хочу... Я уже **опомнилась**».

Судя по намекам самой Ольги, двое описанных возлюбленных не единственные в ее жизни. «Ольга красивая, - говорит ее сестра Инна. - Ольга быстро разочаровывается в мужчине. Не знаю почему...». Почему – писатель прямого ответа не дает. Скорее всего потому, что в 90-х годах не было такого типажа, который устроил бы эту женщину. Выделенные автором курсивом ахматовская «*невстреча*», как и трижды повторенная в финале «*не любовь*» — вот оценка Маканиным несостоявшейся жизни Ольги, замененной духовной гармонией картин В. Кандинского.

Страстно хочет найти подлинную любовь младшая сестра Инна. «Моя сестренка Инна, - рассказывает о ней Ольга, - слегка томящаяся натура. За плечами вуз. Востребованный программист, но никак не подыщет себе устойчивое место. Поработает – и оттуда бегом-бегом!.. Моя чудо Инночка!..».

В отличие от Ольги, Инна более иронична, «ершиста». Уже в первой сцене телефонного разговора с Ольгой она подшучивает над сестрой. В ответ на восторженные слова Ольги о любви к художнику младшая снижает пафос ее слов: «Добавь – и так одинока». А в разговоре о Максиме она уже совершенно беспощадна: на сообщение, что друг Ольги выжимает сок из морковки, Инна безжалостно замечает: «**И заодно сок – из тебя?**». На желание сестры выпить

за прошлое Инна иронично замечает: «Ты можешь захотеть и выпить за уже два прошлых». На слова сестры, что Артема в его поступках заносило, Инна тут же негромко реагирует: «Иногда его заносило еще дальше – аж до твоей постели».

Это, впрочем, не мешает Инне признаться: «Мне всегда интересен мужчина, оставленный сестрой». Она предлагает и Артему, и Максиму свою любовь. Любящий интертекстуальные вставки Маканин использует шекспировский текст о флейте («Гамлет») в разговоре Инны с Максимом. Ей, дочери Тульцева, непонятен фрондирующий самодовольный бездельник.

Вместе с тем, у Инны есть своя привязанность – Петербург. «Бравирует. Чуть что – хочу в Питер, – рассказывает Ольга о сестре». Как сама отмечает младшая сестра, «я езжу туда с женщинами... Экскурсия за экскурсией. С таким же бабьем, как я сама. А хочется с мужчиной». А в Петербурге она ищет духовную целостность. Ее рассказ о памятнике «НАМ, БРАТЬЯМ ОРЛОВЫМ», поставленном братьями самим себе, это мечта о любви. Инна рассказывает о женщинах, стоящих у стеллы и красящих губки: «Обычные наши женщины. Они ведь ничего не хотели от этих Орловых. Ничего реального от этих легендарных братанов... великолепных и, вполне возможно, коррумпированных... Ни-че-го!.. Только знать. Знать, что были такие мужчины».

Герои чеховской пьесы много говорят о будущем человечества, три сестры неустанно повторяют: «В Москву! В Москву!». Будущее, правда, не столь далекое, о котором мечтают персонажи «Трех сестер», наступило. Но не принесло ожидаемого счастья. Возглас о Москве заменился троекратным «В Питер! В Питер! В Питер!», воспринимаемым сестрами уже «со смехом».

Маканин выделяет курсивом ахатовское «*невстреча*». Курсивом же выделена и «*несвадьба*». Это та

судьба, которая постигла сестер в 90-е годы. «Время подымать пыль и время заметать» еще не настало.

Характерна сцена диалога сестер: «Женщина, - почти плачет Ольга, - может и должна хотеть мужского бесстрашия. И я хочу. Страстно хочу! Не политизированного. Не с оглядкой! Не карикатурного... Хочу высокой мысли, настоящей чести и... и... и настоящего мужского бесстрашия. Не сдаюсь». Но пока их окружают «половинчатые люди перестройки». Как самокритично признается один из персонажей, «все мы криворуки». И Артем Константа, и Максим Квинта оказались мелки и лишены широты многоцветного и радостного творчества Кандинского.

Знаменитая Речь Константы о цензуре оказывается, с одной стороны, искренним желанием изменения общественной жизни, с другой – работой на Павла Павловича, «могучего спонсора. Покровителя. Крепкую волосатую руку». Артем после того, как утратил перспективу карьеры, «на минуту ухода **обрел лицо**». И даже признал, что *сам* побежал выбирать модный пиджак (символ зависимости от олигарха). Его отъезд в Воронеж и вторичный приезд в сопровождении двух молодых журналистов отнюдь не прозрение, а очередная экзальтированная попытка обрести славу.

Играющий на всех инструментах, в том числе и на чувствах Ольги, Максим Квинта с его нехитрой системой обольщения любящей его женщины громкими словами, морковным соком и шоколадом, с его заботой о своих музыкантах так и не сумел создать ансамбль. Он «неудачник»-прожектор, прогоняемый его же друзьями из Москвы – не годится на роль выдающейся личности.

Особый интерес писателя вызывает отец Максима – милейший Сергей Сергеевич, тем не менее «заложивший», как выясняется, множество людей (работа!), и сам побывавший в лагере. Теперь он

объезжает тех, кого когда-то предал. И все они его прощают. Сбываются слова отца сестер о том, что чистки и уходы из ГБ начнутся неминуемо... Первыми уйдут стукачи... Полгода перестройки – и отовсюду, изо всех щелей наши стукачи начнут свой покаянный выполз...». «Я убежден, – вторит Артем. – Грядет год их массового прихода с повинной. Высокой волной!.. Предпокаяние, господа. Началось предпокаяние!»

Казалось бы, Маканин хочет показать практически невозможное: покаяние стукачей и гуманистическое прощение от их жертв. Этакое библейское всепрощение волков и ягнят (Исаии, 11-6). Но в романе отчетливо показано, что самопокаяние – это форма доноса, реализация нереализованных привычек (потребностей). Самодонос впитался в кровь людей. «Самодонос – болезнь нашей интеллигенции». «Самодонос не прекращается. Ни днем ни ночью... Когда устраиваются на работу. Когда пишут письма. Когда рассказывают анекдоты...». Дважды (в эпиграфе и в авторском тексте) говорится, что «дырявые, нестойкие людишки» со временем вытеснят всех остальных и «всех подчистую выдавят, вытолкают с перекрестков. С улиц. С площадей... А сами вперед-вперед-вперед в колоннах по восемь! Грандиозный парад покаяния!..».

Другими словами, Маканин, рисуя идиллическую картину покаяния и всепрощения, в подтексте показывает, что одни времена сменяются другими, но не менее людоедскими. Не случайно, как бы, между прочим, без отношения к сюжету романа появляется рассуждение о том, что еще вчера вызывающая духовный подъем лекция о Кандинском не пользуется успехом у сегодняшней публики. «Раньше ломился на такие лакомства народ... Только рот открой... Уже бы к вечеру пол-Москвы набежало... Подполье. Настоящий андеграунд!.. Где они все сейчас? Куда они делись?.. Где их гневные слезы? Рынок сдул их с

московской земли в считанные дни. Они исчезли».

Тем большую роль отводит писатель мальчишке-полуюродивому Коле Угрюмцеву. «Ему пятнадцать, скоро шестнадцать. Не испорчен и не вороват... Коля повидал многое. «По-житейски цепок». Успел даже поучиться в школе КГБ. Но стукач-доносчик из него не получился. И он «остался сам по себе». А публичный рассказ о связях Артема с ГБ. Но это отнюдь не стукачество, а невольное разоблачение и мальчишеское хвастовство. Не случайно, автор завершил сцену падения Артема заглавными буквами: «СНЕЖНЫЙ ОБВАЛ В ГОРАХ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ НЕГРОМКИЙ КРИК МАЛЬЧИШКИ».

Саркастически и осуждающе звучат слова Коли, совпадающие по воле автора с булгаковским «Рукописи не горят». «И ее [бумагу – В.А.] уже никак не забрать и не выкрасть. Не взять назад... Из ГБ, из этих куч, человеку уже ничего не забрать. Не спрятать и не переделать. Н-не переписать. Не переиначить. Это на века... Наскальные рисунки. На века. Это не п-погибнет. Никогда. Не сгорит и не утонет. Осведомитель... с-стукач... доносчик... разведчик... шпион – как бы ни называлось... В ГБ рукописи не г-горят. Именно т-там они не горят». В уста подростка вложено и мудрое объяснение причин доносительства: «Все дело в т-трепете». Пояснение этого трепета выходит за пределы понимания подростка, но Коля не простой подросток, он юродивый-прозорливец. И потому слова его несут глубокий смысл: трепет – свойство авторитарной эпохи. Трепет, говорит юноша, – «он о-обыкновенный. Когда, скажем, просьбу... Когда с-свою характеристику... Когда сами на себя. Когда автобиографию п-пишет – все равно наш человек пишет д-донос. Потому что трепет...». Трепет в этом романе, «испуг» в двух предыдущих – символы одного: лишаящего человека личности.

Знакомство Коли со студией сопровождается фразами из Кандинского: «ВРЕМЕНАМИ МНЕ ЧУДИЛОСЬ, ЧТО МОЯ КИСТЬ ПОРОЖДАЕТ ЗВУКИ... СОГЛАСНОЕ ЗВУЧАНИЕ МУЗЫКИ». Главная боль Коли проходит, когда, спасаясь кисточкой, он слышит: «ОСОБЫЙ МИР... ЛЕГКИХ КРАСОК...». Существенно, что рассказ о не умеющем рисовать Коле сопровождается текстом из книги Василия Кандинского: «...ВЫУЧИЛСЯ БОРЬБЕ С БЕЛЫМ ХОЛСТОМ...». Мягкий баритон зачитывает: «...И ТОЛЬКО ПОСТЕПЕННО Я ВЫУЧИЛСЯ НЕ ВИДЕТЬ ЭТОГО ТОНА ХОЛСТА...». И еще: «ЭТОГО БЕЛОГО, УПОРНОГО, УПРЯМОГО... ХОЛСТА...». Важная мысль В.В.Кандинского в том, что «отверстый глаз должен быть направлен на внутреннюю жизнь, и ухо его всегда должно быть обращено к голосу внутренней необходимости». Для Коли мир русского художника стал своим, родным. «Я хочу туда. – Куда? – К К-кандинскому. Х-хочу малевать». Две сцены починки Колей проводов к картинам – символ обретенной духовной жизни. Мир Кандинского стал его миром.

Не менее существенен и символичен разговор Коли с Артемом. «Вышел из глубины комнат Коля Угрюмцев. Идет напрямиком к «Акварели-1916» и по необходимости оттесняет Артема с его неочерченного святого пяточка. Артем шутливо выражает недовольство: – Юноша. Вроде бы мое место. – В-вроде бы место К-кандинского, – отвечает юноша. И присаживается к «Акварели-1916», проверяя контакты на стенде».

Кандинский – не просто имя в заголовке романа. Он – тот самый просвет, который лишает роман бесперспективности. В отличие от серого мира повседневности существуют «краски..., самые буйные! Яркие!». «ОСОБЫЙ МИР ОСТАВШИХСЯ НА ПАЛИТРЕ КРАСОК...

БЛУЖДАЮЩИХ НА ЕЩЕ НЕ ГОТОВЫХ ХОЛСТАХ» [5]. Скандал, устроенный Квинтой, порождает «потревоженный беспорядочно мигающий свет». Включение двух записей под спящий репродукций: «В ОБЕСПЕЧЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СЕМЬЕ...» и «ОСОБЫЙ МИР... ЛЕГКИХ КРАСОК...» подчеркивает, что и то и другое чуждо Максиму.

В предфинале кто-то из только что вошедших задел... рычажки к пояснению картин ... «И тотчас заскучавший, вызванный к жизни молодой голос читает из молодого Кандинского: «ЖИВОПИСЬ – ЭТО ВЗРЫВ КРАСОК...».

Чеховские сестры мечтают о прекрасном будущем времени и тут же сомневаются в его приходе. Маканинская Ольга рыдает, осознавая, что время настоящих мужчин еще не пришло. Но, говорит она, «я не сдаюсь. Я буду ждать подрастающее поколение». «Не плачь, Оля..., утешает сестру Инна. - Они обязательно вырастут. Встанут в рост... Бесстрашные наши мужчины».

Время сестер Тульцевых с их мечтами еще не настало. *Красота* (в художественном мире позднего В. Маканина это понятие в той или иной форме непременно присутствует) пока воплотилась только в абстрактной живописи Кандинского. Сестры живут «на дорассвете». «В России надо жить долго», чтобы увидеть красоту. Финальная фраза романа произносится матерым Батей: «И еще надо выйти, выйти рано.... Обязательно на дорассвете».

Выводы:

Роман В. Маканина, с одной стороны, продолжает философские и эстетические поиски писателя, с другой – переводит их в новую плоскость, выраженную в интервью автора: «Любовь и смерть – равновеликие вещи». В романе В. Маканин продолжает ранее присутствовавшую в его романах и повестях тему красоты в условиях XX столетия.

Примечания:

1. Токаренко А. А. Конфликт и компромисс в романе В.С. Маканина «Две сестры и Кандинский» // Российский университет дружбы народов. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/55.html.

2. Козлова Людмила. Мое прочтение романа Владимира Маканина «Две сестры и Кандинский» // «Клаузура», 2011, № 7 <https://klauzura.ru/2011/07/lyudmila-kozlova-moe-prochтение-romana-vladimira-makanina-dve-sestry-i-kandinskij/?ysclid=lcemyxn24u591717915>

3. Старая пьеса на новый лад. <https://bookmix.ru/review.phtml?rid=68272&ysclid=lcen7nvbm7363111381>

4. Панеш У.М., Сиюхов С. Н. Об актуальных вопросах периодизации и структурно-типологической классификации отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2013. Вып. 1 (114). С. 36-41.

5. Кандинский В. О духовном в искусстве. Нью Йорк: Международное Литературное Содружество, 1967. 105 с.

References:

1. Tokarenko A.A. Conflict and compromise in the novel by V.S. Makanin «Two Sisters and Kandinsky» // Peoples' Friendship University of Russia. URL: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/55.html.

2. Kozlova L. My reading of Vladimir Makanin's novel «Two Sisters and Kandinsky» // Clausura. 2011. No. 7. URL: <https://klauzura.ru/2011/07/lyudmila-kozlova-moe-prochтение-romana-vladimira-makanina-dve-sestry-i-kandinskij/?ysclid=lcemyxn24u591717915>;

3. An old play in a new way. URL: <https://bookmix.ru/review.phtml?rid=68272&ysclid=lcen7nvbm7363111381>.

4. Panesh U.M., Siyukhov S.N. On topical issues of a periodization and structural - typological classification of the national literature of the 20th century// // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology. No. 1. Maikop: ASU, 2013. P.36-41.

5. Kandinsky V. On the spiritual in art. New York: International Literary community, 1967. 105 pp.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 24.12.2022.

The paper was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 24.12.2022.

© В. В. Агеносов, 2022